

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ В УКРАИНСКИХ ДИАЛЕКТАХ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. Окончательное освобождение Украины советской армией от немецко-фашистской оккупации в 1944 году стало первым шагом возвращения УССР к мирной жизни, вторым шагом было восстановление экономической инфраструктуры на местах. Строительство или восстановление стратегических объектов промышленности и народного хозяйства в Центре и на Востоке взамен разрушенных войной потребовало притока рабочей силы из разных территорий освобожденной Украины, потому здесь появились группы переселенцев из Винницкой, Одесской, Хмельницкой, Черновицкой и некоторых др. областей. Часть из мигрантов осталась в районах строительства и в послевоенные годы, внося в местную речь новые элементы, как это было, напр., в Новоархангельском р-не Кировоградской обл. К таковым можно отнести обогащение местного диалектного словообразования двумя довольно редкими моделями с суффиксами *-ой-* и *-ус-*, ранее, насколько нам известно, не употребляемыми в ареале степных говоров.

В частности, ср. такие примеры, как: 1) *чорно́я* 'овца с черной шерстью', *добрóй* 'откормленный боров', *дідóй* 'дед' и др. (всего 19); 2) *білу́с* 'ребенок со светлыми волосами', *чорну́с* 'замарашка', *горбу́с* 'горбун', *лобу́с* 'о человеке с широким лбом', *дригу́с* 'проворный ребенок', *малу́ся* 'мальш' и др. (всего 30). Отметим сразу, что исконными, органичными для местной речи являются дериваты с суффиксами *-ух-/ух-н-*, *-ан'*, *-иг-* или бессуффиксальные образования, отмечаемые в докумен-

тах XIX в. (ср. данные исторической антропониимии – *Дідух, Чорнига, Чорнушенко*, которой совершенно неизвестны *-ой-, -ус-*): *чорну́ха* (= *чорно́я*), *до́брый кабан(чик)* (= *до́бро́й*), *ді́дух, ді́духно* (= *ді́до́й*) и *біла́нь* (= *білу́с*), *чорні́га* (= *чорну́с*), *горба́нь* (= *горбу́с*), *лоба́нь* (= *лобу́с*), *мали́га* (= *малу́ся*). В пользу того, что перед нами не лексические вкрапления из речи переселенцев в словаре местных идиомов, а именно новообразования, возникшие в говорах указанного района под внешним влиянием, свидетельствуют следующие факты: а) однокоренные формы с суффиксом *-ой-, -ус-* отсутствуют в словаре юго-западных говоров, чьи носители участвовали в восстановлении промышленности Кировоградской обл. (исключение составляет префиксальное *подригус, подри́гус* ‘выкрутас’, ср. *вклонитися з подригусом* ‘расшаркаться с выкрутасами’); б) за пределами местного диалектного словаря суффикс *-ой-* существует только в связанном виде – в составе суффиксальных комплексов *-ой-к-, -ой-онь-к-* (ср. *бойк. волóйки, волóйоньки* ‘волы’, *діво́йки, діво́йоньки* ‘девушки’, *братóйко, ‘брат’, гуц. свато́йко* ‘сват’ и пр.), тогда как в инновационных образованиях, о которых идет речь, он представлен в «чистом» виде – как *-ой-*. Было бы заманчиво толковать подобные случаи как результат влияния сербской диалектной речи, в которой суффикс *-oj-* часто функционирует без дополнительного наращения (примеры см. ниже), однако ареал сербских переселенческих говоров (территория Новой Сербии) не имеет общих границ с ареалом исследуемых украинских диалектных инноваций, располагаясь на значительном удалении от него.

2. Специальное внимание к названным моделям позволяет выделить, помимо перечисленных выше *новообразований* с суффиксами *-ой-, -ус-*, также несколько *архаичных* дериватов¹, представляющих сепаратные изолексы, ср.: **bogojъ*: болг. *Богой*, серб. *Богој* (в документах Бухарестской митрополии), *Богоје* – ЛИ, *Bogojevo*, XIX в. – мест. назв., пол. *Bogój* – совр. фамилия ~ **bogъ*; **l'uboja/*l'ubojъ*: др.-серб. *Любо" – антропоним, производящий для топонима Любоина («оу Любоинѣ»), 1345–1346 гг., серб. *Ljuboje* – ЛИ, укр. диал. бойк. *любойко* ‘любимый’ ~ **l'ubъ*; **maloja*: (произв.) серб. *Malojka*, пол. *Malojec* – ЛИ ~ **malъ*; **slavojal/*slavojъ*: серб. *Славоја*, XIX в., пол. *Slawoj* – ЛИ ~ **slava, *slavъ*; **gъrbusъ*: пол. *garbus* ‘с выделяющимся горбом’, *Garbus*, укр. *Горбус* – совр. фамилии ~ **gъrbъ*; **kъrn'usъ*: хорв. *Krnjus* – совр. фамилия, укр. диал. *корну́с* ‘карлик’ ~ и.-е. **(s)ker-* ‘гнуть, искривлять’, ‘резать’ + суфф. *-n-* и др.

3. В связи с рассматриваемой группой дериватов на *-ус-* привлекает внимание ст.-укр. *Безьѡтусенко*, 1649 г. – ЛИ. Отбросив поздние словообразовательные наслоения в виде последовательности суффиксов *-н-* и *-енко*, мы выходим на возможное пол. диал. **bezotusъ*: сложение **bez* и **otusъ* как суффиксальное производное от основы **ot-*,

чаще выступающей с другим суфф. расширением, ср. **ot-ьць* ‘отец’. Но не исключено, что в ЛИ отражена поздняя форма к изначальному **Безьотухненко*, содержащему диал. вариант к названию отца, т.е. производное **отухно*, ср. деривационно близкие термины кровного родства типа укр. диал. *ма́тихна* – уменьш. к *мать* ‘мама’, *Матухна́* – совр. фамилия, *деду́хно* ‘дед’, зап.-полес. *до́хна* ‘дочь’, пол. *Matuchno* – совр. фамилия и т. п.

4. Дистрибуция словообразовательных инноваций в диалектной речи указанной территории не исчерпывается упомянутыми случаями: целый комплекс явлений уровня слово- и формообразования еще ждет своего исследователя.

Примечания

¹ Подробнее о приводимом материале см.: *Илиади А.И.* Праславянская реконструкция и славянская антропонимия. Кировоград, 2015. С. 256, 271 (в печати).